

Н. А. БЕРДЯЕВ

Ставрогин

Постановка «Бесов» в Художественном театре вновь обращает нас к одному из самых загадочных образов не только Достоевского, но и всей мировой литературы. Поражает отношение самого Достоевского к Николаю Всеволодовичу Ставрогину. Он романтически влюблён в своего героя, пленён и обольщён им. Никогда ни в кого он не был так влюблён, никого не рисовал так романтично. Николай Ставрогин — слабость, прельщение, грех Достоевского. Других он проповедовал как идеи, Ставрогина он знает как зло и гибель. И всё-таки любит и никому не отдаст его, не уступит его никакой морали, никакой религиозной проповеди. Николай Ставрогин — красавец, аристократ, гордый, безмерно сильный, «Иван Царевич», «принц Гарри», «Сокол»; все ждут от него чего-то необыкновенного и великого, все женщины в него влюблены, лицо его прекрасная маска, он весь — загадка и тайна, он весь из полярных противоположностей, всё вращается вокруг него, как солнца. И тот же Ставрогин — человек потухший, мертвенный, бессильный творить и жить, совершенно импотентный в чувствах, ничего уже не желающий достаточно сильно, incapable совершить выбор между полюсами добра и зла, света и тьмы, incapable любить женщину, равнодушный ко всем идеям, блазированный и истощённый до гибели всего человеческого, познавший большой разврат, ко всему брезгливый, почти incapable к членораздельной речи. Под красивой, холодной, застывшей маской ставрогинского лица погребены потухшие страсти, истощённые силы, великие идеи, безмерные, безудержные человеческие стремления. В «Бесах» не дано прямой и ясной разгадки тайны Ставрогина. Чтобы разгадать эту тайну, нужно проникнуть глубже и дальше самого романа, в то,

что было до его раскрывшегося действия. И тайну индивидуальности Ставрогина можно разгадать лишь любовью, как и всякую тайну индивидуальности. Постигнуть Ставрогина и «Бесы» как символическую трагедию можно лишь через мифотворчество, через интуитивное раскрытие мифа о Ставригине как явлении мировом¹. Если мы прочтём религиозную мораль над трупом Ставригина, мы ничего в нём не разгадаем. Нельзя отвечать катехизисом на трагедию героев Достоевского, трагедию Раскольникова, Мышкина, Ставригина, Версилова, Ивана Карамазова. Это принижает величие Достоевского, отрицает всё подлинно новое и оригинальное в нём. Все положительные доктрины и платформы «Дневника писателя» так жалки и плоски по сравнению с откровениями трагедий Достоевского! Достоевский свидетельствует о положительном смысле прохождения через зло, через бездонные испытания и последнюю свободу. Через опыт Ставригина, Ивана Карамазова и др. откроется новое. Сам опыт зла есть путь, и гибель на этом пути не есть вечная гибель. После трагедии Ставригина нет возврата назад, к тому, от чего отпал он в путях своей жизни и смерти.

Действие в романе «Бесы» начинается после смерти Ставригина². Подлинная жизнь его была в прошлом, до начала «Бесов». Ставригин угас, истощился, умер, и с покойника была снята маска. В романе среди всеобщего беснования является лишь эта мёртвая маска, жуткая и загадочная. Ставригина уже нет в «Бесах», и в «Бесах» никого и ничего нет, кроме самого Ставригина. В этом смысл символической трагедии «Бесов». В «Бесах» есть двойной смысл и двойное содержание. С одной стороны, это роман с реалистической фабулой, с разнообразными действующими лицами, с объективным содержанием русской жизни. Внешним толчком к написанию «Бесов» послужило нечаевское дело³. С этой стороны в «Бесах» есть много недостатков, много неверного, почти приближающегося к пасквилю. Революционное движение конца 60-х годов не было таким, каким оно изображено в «Бесах». Есть в этом реалистическом романе и художественные недостатки. То, что открылось Достоевскому о русской революции и русском революционере, о религиозных глубинах, скрытых за внешним обликом социально-политического движения, было скорее пророчеством о том, что будет, что развернётся в русской жизни, чем верным воспроизведением того, что было. Шатов, Кириллов с их последними, предельными религиозными

муками появились у нас только в XX веке, когда обнаружилась не политическая природа русских революционеров, для которых революция не социальное строительство, а мировое спасение. Достоевский предвосхитил Ницше и многое, раскрывшееся лишь теперь. Но я не предполагаю рассматривать «Бесы» с этой стороны, наиболее ясной. «Бесы» также мировая символическая трагедия. И в этой символической трагедии есть только одно действующее лицо — Николай Ставрогин и его эманации. Как внутреннюю трагедию духа Ставрогина, хочу разгадать я «Бесы», ибо она доныне недостаточно разгадана. Поистине всё в «Бесах» есть лишь судьба Ставрогина, история души человека, его бесконечных стремлений, его созданий и его гибели. Тема «Бесов» как мировой трагедии есть тема о том, как огромная личность — человек Николай Ставрогин — вся изощла, истоцилась в ею рожденном, из неё эманировавшем хаотическом бесновании.

Мы встречаем Николая Ставрогина, когда нет у него уже никакой творческой духовной жизни. Он уже ни к чему не способен. Вся жизнь его в прошлом, Ставрогин — творческий, гениальный человек. Все последние и крайние идеи родились в нём: идея русского народа-богоносца, идея человекобога, идея социальной революции и человеческого муравейника. Великие идеи вышли из него, породили других людей, в других людей перешли. Из духа Ставрогина вышел и Шатов, и П. Верховенский, и Кириллов, и все действующие лица «Бесов». В духе Ставрогина зародились и из него эманировали не только носители идей, но и все эти Лебядкины, Лутугины, все низшие иерархии «Бесов», элементарные духи. Из эротизма ставрогинского духа родились и все женщины «Бесов». От него идут все линии. Все живут тем, что было некогда внутренней жизнью Ставрогина. Все бесконечно ему обязаны, все чувствуют своё происхождение от него, все от него ждут великого и безмерного — и в идеях, и в любви. Все влюблены в Ставрогина, мужчины и женщины. П. Верховенский и Шатов не менее чем Лиза и Хромоножка, все прельщены им, все боготворят его как кумира, и в то же время ненавидят его, оскорбляют его, не могут простить Ставрогину его брезгливого презрения к собственным созданиям. Идеи и чувства Ставрогина отделились от него и демократизировались, вульгаризировались. И собственные ходячие идеи и чувства вызывают в нём отвращение, брезгливость. Николай Ставрогин прежде всего аристократ, аристократ духа и русский барин. Достоевскому был

чужд аристократизм, и лишь через влюблённость свою в Ставрогина он постиг и художественно воспроизвёл этот дух. Тот же аристократизм повторяется у Версилова, во многом родственного Ставрогину. Безграничный аристократизм Ставрогина делает его необщественным, антиобщественным. Он индивидуалист крайний, его мировые идеи — лишь трагедия его духа, его судьба, судьба человека.

В чём же трагедия ставрогинского духа, в чём тайна и загадка его исключительной личности? Как понять бессилие Ставрогина, его гибель? Ставрогин остаётся неразрешимым противоречием и вызывает чувства противоположные. Приблизить к разрешению этой загадки может лишь миф о Ставрогине как творческой мировой личности, которая ничего не сотворила, но вся изошла, иссякла в эманировавших из неё «бесах». {Это — мировая трагедия истощения от безмерности, трагедия омертвения и гибели человеческой индивидуальности от дерзновения на безмерные, бесконечные стремления, не знавшие границы, выбора и оформления⁴. «Я пробовал везде мою силу... На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказалась беспредельною... Но к чему приложить эту силу — вот чего никогда не видел, не вижу и теперь... Я всё так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие... Я пробовал большой разврат и истощил в нём силы; но я не люблю и не хотел разврата... Я никогда не могу потерять рассудок и никогда не могу поверить идее в той степени, как он (Кириллов). Я даже заняться идеей в той степени не могу». Так писал Николай Ставрогин о себе Даше. Но писал это он тогда, когда уже весь истощился, изошёл, омертвел, перестал существовать, когда ничего уже не желал и ни к чему не стремился. Ему дано было жизнью и смертью своей показать, что желать всего без выбора и границы, оформляющей лик человека, и ничего уже не желать одно, и что безмерность силы, ни на что не направленной, и совершенное бессилие — тоже одно.

Этому творческому и знавшему безмерность желаний человеку не дано было ничего сотворить, не дано было просто жить, остаться живым. Безмерность желаний привела к отсутствию желаний, безграничность личности к утере личности, неуравновешенность силы привела к слабости, бесформенная полнота жизни к безжизненности и смерти, безудержный эротизм к не-

способности любить. Ставрогин всё испытал и перепробовал, как великие, крайние идеи, так и великий, крайний разврат и насмешливость. Он не мог сильно пожелать одного и одному отдаться. Ходят тёмные слухи о том, что он принадлежал к тайному обществу растления малолетних и что маркиз де Сад мог бы ему позавидовать. Бездарный Шатов, плебейски принявший великую идею Ставрогина, в исступлении допрашивает его, правда ли это, мог ли всё это совершить носитель великой идеи? Он боготворит Ставрогина и ненавидит его, хочет убить его. Всё с тем же жутким сладострастием безмерности Ставрогин берёт ни в чем не повинного человека за нос или кусает ухо. Он ищет предельного, безмерного как в добре, так и в зле. Одного божественного ему казалось слишком мало, во всём ему нужно было перейти за пределы и границы в тьму, в зло, в дьявольское. Он не мог и не хотел сделать выбора между Христом и антихристом, Богочеловеком и человекобогом. он утверждал и Того и другого разом, он хотел всего, всего добра и всего зла, хотел безмерного, беспредельного, безграничного. Утверждать только антихриста и отвергнуть Христа — это уже выбор, предел, граница. Но в духе Ставрогина жило и знание Богочеловека, и от Христа он не хотел отказаться в безмерности своих стремлений. Но утверждать разом и Христа и антихриста — значит всё утратить, стать бедным, ничего уже не иметь. От безмерности наступает истощение. Николай Ставрогин — это личность, потерявшая границы, от безмерного утверждения себя потерявшая себя. И даже когда испытывает Ставрогин свою силу через самообуздание, через своеобразную аскезу (он вынес пощёчину Шатова, хотел объявить о своём браке с Хромоножкой и мн. др.), он исходит, истощается в безмерности этого испытания. Его аскеза не есть оформление, не есть кристаллизация личности, в ней есть сладострастие. Разврат Ставрогина есть перелив личности за грани в безмерность небытия. Ему мало бытия, он хотел и всего небытия, полюса отрицательного не менее, чем полюса положительного. Жуткая безмерность небытия — соблазн разврата. В нём есть прельщение смерти, как равносильной и равнопритягательной жизни. Метафизику разврата, бездонную глубину его тьмы Достоевский понимал, как ни один писатель мира. Разврат Ставрогина, его жуткое сладострастие, скрытое под маской бесстрастия, спокойствия, холодности, — глубокая метафизическая проблема. Это одно из выражений трагедии истощения

от безмерности. В этом разврате сила переходит в совершенное бессилие, оргийность — в ледяной холод, в сладострастии истощается и гибнет всякая страсть. Беспредельный эротизм Ставрогина перелился в небытие. Его обратная сторона окончательная импотенция чувств. Николай Ставрогин — родоначальник многого, разных линий жизни, разных идей и явлений. И русское декадентство зародилось в Ставригине⁵. Декадентство есть истощение Ставрогина, его маска. Огромная, исключительно одарённая личность Ставрогина не оформлена и не кристаллизована. Единственное её оформление и кристаллизация — жуткая застывшая маска, призрачный аполлонизм. Под этой маской — безмерность и безудержность потухших и истощённых страстей и желаний.

Трагедия «Бесов» есть трагедия одержания, беснования. В ней раскрывает Достоевский метафизическую истерию русского духа. Все одержимы, все беснуются, все в корчах и в судороге. Один Ставрогин не беснуется — он жутко спокоен, мертво холоден, он застыл, утих, умолк. В этом вся суть «Бесов»: Ставрогин породил этот бушующий хаос, из себя выпустил всех бесов и в беснование вокруг себя перелил свою внутреннюю жизнь, сам же замер, потух. Безмерность желаний Ставрогина вышла наружу и породила беснование и хаос. Он не совершил творческого акта, не перевёл ни одного из своих стремлений в творческое действие, ему не было дано ничего сотворить и осуществить. Его личность расковалась, распылилась и изошла, иссякла в бесновании хаоса, бесновании идей, бесновании страстей, революционных, эротических и просто мерзости человеческой. Личность, ничего не сотворившая, потеряла себя в эманировавших из неё бесах. Только подлинный творческий акт сохраняет личность, не истощает её. Истоющая эманация ничего не творит и умерщвляет личность. И трагедия Ставрогина, как трагедия мировая, может быть связана с проблемами творчества и эманации. Всё и все в «Бесах» есть эманация Ставрогина, его внутреннего хаоса безмерности. В этой эманации иссякли силы Ставрогина и перелились во всех и вся, в мужчин и женщин, в идейные страсти, в беснование революции, в беснование любви и ненависти. От самого же Ставрогина осталась лишь мёртвая маска. Эта маска бродит среди порождённого некогда живым лицом беснования. Маска мертвеца-Ставрогина и беснование из него вышедших, им истощенных сил! Это пе-

ревоплощение Ставрогина в П. Верховенского, в Шатова, в Кириллова, даже в Лутугина и Лебядкина, и воплощение чувств его в Лизе, в Хромоножке, в Даше и есть содержание «Бесов». Ставрогин ни с кем не может соединиться, потому что все лишь его порождение, его собственный внутренний хаос. У Ставрогина нет его другого, нет выхода из себя, а есть лишь выходящие из него, лишь истощающая его эманация. Он не сохранил, не собрал своей личности. Выход из себя в другого, с которым совершается подлинное соединение, куёт личность, укрепляет её. Невозможность выйти из себя в творческом акте любви, познания или действия и истощение в собственных эманациях ослабляет личность и распыляет её. Судьба Ставрогина есть распад большой, творческой личности, которая вместо творчества новой жизни и нового бытия, творческого выхода из себя в мир истощилась в хаосе, потеряла себя в безграничности. Сила перешла не в творчество, а в самоистребление личности. И там, где огромная личность погибла и силу свою расточила, там началось беснование выпущенных сил, отделившихся от личности. Беснование вместо творчества вот тема «Бесов». Это беснование совершается на могиле Ставрогина. «Бесы» как трагедия символическая, есть лишь феноменология духа Николая Ставрогина. Реально, объективно, и нет ничего и никого, кроме Ставрогина. Всё — он, всё — вокруг него. Он — солнце, истощившее свой свет. И вокруг солнца потухшего, не излучающего уже ни света, ни тепла, вращаются все бесы. И всё еще ждут от солнца света и тепла, предъявляют безмерные требования к своему источнику, тянутся к нему с бесконечной влюблённостью и ненавидят, и злобствуют, когда видят солнце потухшее и охлаждённое. Одна Даша ничего не ждёт, согласна быть сиделкой у постели больного и умирающего. Жизнь с Дашей, маленькая, бесконечно маленькая жизнь, и есть то, во что перешла истощённая безмерность стремлений, не знавшая границ и избраний, бесконечность желаний. Ставрогин обречён Даше. И есть глубокая правда, глубокое прозрение в том, что Ставрогин мог потянуться только к серой и прозаической, умеренной и аккуратной Даше, только около неё искать успокоение.

Очень замечательны эти переходы в противоположных оценках Ставрогина со стороны всех связанных с ним людей. Для всех образ Ставрогина двойится: для Хромоножки он то князь и сокол, то самозванец-купчик, стыдящийся её; для П. Верхо-

венското он то Иван Царевич, о котором пойдёт легенда в русском народе, который станет во главе переворота, то развратный, бессильный, ни к чему не годный барчонок; и для Шатова он то великий носитель идеи русского народа-богоносца, который тоже призван стать во главе движения, то барич, развратник, изменник идее; то же двойственное отношение у Лизы, которая его обожает и ненавидит. Барство Ставрогина всех прельщает — аристократизм в демократии обаятелен, — и никто не может ему простить барства. Барство метафизическое свойство Ставрогина, оно — нуменально в нём. Его трагическая судьба связана с тем, что он — обречённый барин и аристократ. Барин и аристократ обаятелен, когда идёт в демократию, но он ничего не может в ней сделать, он вообще не может быть полезен, не способен к «делу». Аристократизм всегда хочет творчества, а не «дела». Только барин и аристократ мог бы быть Иваном Царевичем и поднять за собой народ. Но он никогда этого не сделает, не захочет этого сделать и не будет иметь силы этого сделать. Его не пленяет, не вдохновляет никакая демократизация собственных идей, ему противно и безразлично встречаться с собственными идеями в других, в объективном мире и его движении. И реализация собственной любви, собственной эротической мечты нежеланна ему, почти отвратительна. Жизнь с Дашей лучше жизни с Лизой. Великие идеи и мечты вышли из барина и аристократа Ставрогина не потому, что он в мире совершил творческий акт, а потому, что он истощился от внутреннего хаоса. Порождённые им идеи и мечты персонифицировались и требовали от него, чтобы он осуществил, реализовал то великое, что в нём зародилось, и негодуют и ненавидят, когда встречаются истощённого, потухшего, бессильного, мёртвого. Ставрогин всё мог бы: он мог бы быть и Иваном Царевичем, и носителем идеи русского мессианизма, и человекобогом, побеждающим смерть, мог бы он и любить Лизу прекрасной, божественной любовью. И он ничего не может, ни на что не имеет силы; безмерность страстей и стремлений истощила его, нуменальное барство не позволило ему совершить тот акт жертвы, после которого начинается подлинное творчество. Он остался в себе и утерял себя, он не нашёл своего другого и изошёл в других, не своих. Он бессилен над выпущенными им бесами и духами, как злыми, так и добрыми. Он не знает заклинаний. Как бессилен Ставрогин перед Хромоножкой, которая оказывается выше его! У Хромо-

ножки есть глубокие прозрения. Разговор Хромоножки с Шатовым о Богородице и земле по небесной красоте своей и глубине принадлежит к лучшим страницам мировой литературы. Бессилие Ставрогина перед Хромоножкой есть бессилие нуменального барства перед русской землёй, землёй — вечной женственностью, ожидающей своего жениха. Идея русской земли жила в Ставрогине, но тут он был бессилён выйти из себя, соединиться. Жениха своего ждёт и Лиза, но встретит его лишь на один час. Образ жениха двойится. Ставрогин не способен к браку, бессилён соединиться, не может оплодотворить землю. Ему под силу лишь тихая, угасшая жизнь с Дашей в унылых швейцарских горах. Он обречён ей, этот барин и аристократ, никогда не вышедший из себя через жертву, — Даша не требует от него ничего, не ждёт ничего, она примет его погасшего. Только при Даше он может говорить вслух о себе. Это — страшный конец безмерности во всём. Но и этот конец оказался невозможным. Ставрогин боялся самоубийства, боялся показать великодушие. Но он совершил акт великодушия и повесился. То же нуменальное барство показал нам Достоевский в образе Версилова, но человечески смягчённое.

Трагедия Ставрогина — трагедия человека и его творчества, трагедия человека, оторвавшегося от органических корней, аристократа, оторвавшегося от демократической матери-земли и дерзнувшего идти своими путями. Трагедия Ставрогина ставит проблему о человеке, отделившемся от природной жизни, жизни в роде и родовых традициях и возжелавшем творческого почина. Путь творчества для Ставрогина, как и для Ницше, был путем богоотступничества, убиения Бога. Ницше возненавидел Бога, потому что видел в Нём помеху для творчества человека. Ставрогин, как и Ницше, не знал религиозного сознания, в котором было бы откровение о творчестве человека, откровение божественности человеческого творчества. Старое религиозное сознание воспрещало творческий почин. Путь к откровению творчества человека лежит через смерть Ставрогина, через гибель Ницше. Достоевский ставит новую проблему, и на муку Ставрогина и Кириллова не может быть старого ответа. Трагедия Ставрогина не излечима старыми религиозными рецептами, и Достоевский глубоко чувствовал это. Здоровые не могут судить о болезнях, раскрывшихся духу Достоевского. И лишь те, которые следуют не за духом Достоевского и не за

гениальными и подлинно новыми его прозрениями, а лишь за поверхностным сознанием и платформой «Дневника писателя», могут думать, что у Достоевского всё обстоит религиозно благополучно и что отпадение от православной веры любимых его героев есть лишь грех, обыкновенный грех, а не огненная жажда нового откровения, от которой сгорал сам Достоевский. У Достоевского было в глубочайшем смысле антиномическое отношение к злу. Зло есть зло, оно должно быть побеждено, должно сгореть. И зло должно быть изжито и испытано, через зло что-то открывается, оно тоже — путь. Сама гибель Ставрогина, как и всякая гибель, — не окончательная и не вечная гибель, это лишь путь. Проблема творчества человека не разрешилась и не могла разрешиться в старом сознании, из которого не вышел ещё Ставрогин. Где нет исхода для творчества, там началось беснование и разврат. У Достоевского сама проблема разврата несоизмеримо более глубокая, чем проблема греха. Через гибель что-то открывается, большее открывается, чем через религиозное благополучие. Ставрогин не только отрицательное явление и гибель его не окончательная. Была судьба Ставрогина до «Бесов» и будет судьба его после «Бесов». После трагической гибели будет новое рождение, будет воскресение. И нашей любовью к Ставрoгину мы помогаем этому воскресению. Сам Достоевский слишком любил Ставрoгина, чтобы примириться с его гибелью. Он тоже возносил молитвы о его воскресении, о его новом рождении. Для православного сознания Ставрoгин погиб безвозвратно, он обречён на вечную смерть. Но это не есть сознание Достоевского, подлинного Достоевского, знавшего откровения. И мы вместе с Достоевским будем ждать нового рождения Николая Ставрoгина — красавца, сильного, обаятельного, гениального творца. Для нас невозможна та вера, в которой нет спасения для Ставрoгина, нет выхода его силам в творчество. Христос пришёл весь мир спасти, а не погубить Ставрoгина. Но в старом христианском сознании ещё не раскрылся смысл гибели Ставрoгина, как момента пути к новой жизни. И в этой гибели есть прохождение через Голгофу. Но Голгофа не последний этап пути. Лишь в новом откровении раскрывается возможность воскресения Ставрoгина и жертвенный смысл гибели того, кто бессилен был совершить сознательную жертву. И вновь будет собрана его истощившаяся, распавшаяся личность, которую трудно не ненавидеть и нельзя не любить.

Безмерность желаний и стремлений должна быть насыщена и осуществлена в размерности божественной жизни. Жизнь в мире губила всё безмерное⁶.

Безмерность не могла ещё осуществиться. Но наступит мессианский пир, на который призван будет и Ставрогин, и там утолит он свой безмерный голод и безмерную свою жажду.

1914

